
БОЕВОЙ ПУТЬ ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА М. З. АРГУТИНСКОГО-ДОЛГОРУКОГО

СЕРГЕЙ МИНАСЯН

Еще со второй четверти XVIII в. в составе русской армии, ведшей бои против горцев Северного Кавказа, отличились многие армяне, а позже, уже в период Кавказской войны XIX в., в ходе боевых действий проявилось военное дарование десятков армянских полководцев, таких как генералы В. О. Бебутов, М. З. Аргутинский-Долгорукий, М. Т. Лорис-Меликов, И. Д. Лазарев, адмирал Л. М. Серебряков. Бои с горцами эти офицеры и генералы рассматривали как естественное продолжение борьбы, которую они вели в составе русской армии на территории исторической Армении во имя освобождения родины от турецкого и персидского владычества.

Однако даже на фоне этой блестящей плеяды талантливых армянских генералов русской Кавказской армии выделяется М. З. Аргутинский-Долгорукий. Генерал-адъютант Моисей Захарович Аргутинский-Долгорукий (1797-1855) происходил из знаменитой армянской княжеской династии Аргутинских-Долгоруких. Династия Аргутинских-Долгоруких брала начало из рода князей Закарян, которые еще с XII в. возглавляли ряд армянских княжеств на северо-востоке Армении, а впоследствии заняли прочную позицию в руководстве Восточно-грузинского (Картли-Кахетинского) царства, достигнув значительных успехов на государственных и военных должностях. Вплоть до падения Картли-Кахетинского царства, многие князья Аргутинские занимали весомое положение в военно-политической иерархии этого государства.

Дед Моисея Захаровича, архиепископ Иосиф Аргутинский-Долгорукий, еще во второй половине XVIII в., будучи духовным предводителем армян России, участвовал в переселении армян из Крымского ханства в пределы Российской империи, где ими был основан город Нор-Нахичеван. Иосиф Аргутинский принял активное участие и в Персидском походе русских войск в 1796 г., а позже был избран армянским католикосом. За заслуги, оказанные Российской империи архиепископом Иосифом, согласно указу императора Павла I, Аргутинским был дарован титул российских князей¹.

Уже после присоединения Грузии к Российской империи многие из Аргутинских продолжили свою службу на важных военных и госу-

---

¹ См. подробнее об И. Аргутинском-Долгоруком: *Լ. Ե. Բ. Հովսեփի Կաթողիկոս Ար-ղությանի Թիֆլիս, 1902:* .

дарственных постах, принимали участие практически во всех войнах, которые вела Россия на Кавказе в течение XIX в.

Не был исключением и отец будущего полководца российской армии — князь Захарий Иосифович. В июле 1802 г. кн. З. Аргутинский добыл в Ереванской крепости важные разведывательные сведения о взаимоотношениях ереванского и нахичеванского ханов, что имело большое значение для русского военного командования, готовящегося к проведению похода на Ереван². Позже он участвовал в боях против персидских войск, в том числе в Ереванском походе 1804 г.

Во время Ереванского похода, как и в ходе других боевых действий, отличился и дядя М. З. Аргутинского — полковник русской армии кн. Соломон Аргутинский, который неоднократно удостоивался наград российского правительства³.

Князь Моисей Захарович получил первоначальное образование в Тифлисском благородном училище и готовился к гражданской службе. Однако приезд на Кавказ в 1817 г. нового русского главнокомандующего, генерала А. П. Ермолова, по-иному решил его судьбу. А. П. Ермолов, заметив в молодом Аргутинском большие способности, уговорил его отца дать возможность сыну сделать карьеру на военной службе и отправить его в Петербург. Так 19-летний молодой князь с далекого Кавказа оказался в столице Российской империи. 17 апреля 1817 г. М. З. Аргутинский был зачислен юнкером в лейб-гвардии Конный полк — одну из наиболее элитных частей русской армии. Способности Аргутинского в службе и учебе, в первую очередь, в военных науках проявились с самого начала, так что уже спустя два месяца князь был произведен в штабс-юнкера, а через год, когда ему было всего 20 лет, — в корнеты. В 1824 г. М. З. Аргутинский был уже штабс-ротмистром лейб-гвардии Конного полка⁴. Естественно, годы службы в знаменитом полку императорской гвардии не прошли для будущего полководца бесследно, но молодой офицер стремился к боевой службе, благодаря которой он сумел бы практически использовать полученные теоретические знания. Вскоре такой случай представился: вспыхнула русско-персидская война 1826-1828 гг.

С началом войны с Персией многие армянские офицеры русской армии, служившие вдали от Родины, стремясь принять участие в боях за освобождение Армении, пожелали перевестись в ряды Кавказского корпуса. Ротмистр М. З. Аргутинский-Долгорукий был одним из них. Оставив службу в престижном гвардейском полку столичного Петер-

² Акты Кавказской археографической комиссии (далее — АКАК), т. II, Тифлис, 1868, с. 380-381.

³ Центральный государственный исторический архив Грузии (далее — ГИАГ), ф. 2, оп. 1, (1804), д. 72, лл. 85-85об.; АКАК, т. I, Тифлис, 1866, с. 123-124.

⁴ Н. Б е р з и н. Краткий очерк служебной деятельности генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта князя Моисея Захариевича Аргутинского-Долгорукого. — "Кавказский календарь", Тифлис, 1855, с. 566.

бурга, он добился перевода на Кавказ, в Грузинский гренадерский полк Кавказского отдельного корпуса, в звании майора (приказ от 23 марта 1827 г.)⁵

Прибытие в Тифлис молодого петербургского офицера не прошло незамеченным. В Матенадаране хранится датированное 7 мая 1827 г. письмо княгини Марии Бектабековой⁶ духовному предводителю армян Грузии архиепископу Нерсесу Аштаракеци. Княгиня М. Бектабекова просит архиепископа содействовать женитьбе М. З. Аргутинского на ее старшей дочери⁷.

Кстати, в боевых действиях против персидской армии в 1826 г. вместе с другими армянскими князьями Тифлиса участвовал и отец Моисея Захаровича. Князь Захарий состоял в отряде под командованием героя Отечественной войны 1812 г. Д. Давыдова, а с весны 1827 г. служил в тифлисском армянском дворянском ополчении, которое сопровождало нового главнокомандующего русскими войсками на Кавказе генерал-адъютанта И. Ф. Паскевича в Ереванском походе⁸.

В конце апреля 1827 г. передовые части русских войск, во главе с генерал-адъютантом К. Х. Бенкендорфом, осадили Ереванскую крепость, по пути освободив Эчмиадзинский монастырь. Армянский кавалерийский отряд, командование которого было поручено майору М. З. Аргутинскому-Долгорукому, был в авангарде этих войск. В боях против курдов, которые составляли основную часть кавалерии ереванского Гуссейн-хана, отряд Аргутинского сыграл не последнюю роль. Так, 25 мая 1827 г. К. Х. Бенкендорф получил известие от архиепископа Нерсеса Аштаракеци, сопровождавшего русские войска в походе на Ереван, о том, что Гуссейн-хан, стоя на правом берегу Аракса, препятствует возвращению домой армян, угнанных персами при вступлении русских войск на территорию Восточной Армении. Для нанесения удара по персидским войскам К. Х. Бенкендорф направил на противоположный берег Аракса передовой отряд в составе 3-х казачьих сотен под командованием войскового старшины майора Вербицкого⁹. 50 армянских кавалеристов во главе с Аргутинским сопровождали передовой отряд. При преследовании неприятельской кавалерии отряд Вербицкого был окружен многочисленной персидской конницей, вынужденно приняв неравный бой. В бою погибли 103 казака и сам Вербицкий, остальные, по прибытии подкрепления, смогли спастись. Из армянских бойцов се-

⁵ Сборник материалов о Персидской войне 1826-1828 гг. — "Вестник архивов Армении", 1978, № 2, док. 87.

⁶ Бектабековы были одной из наиболее знатных и богатых армянских княжеских династий Грузии, ее представители были главными казначеями при последних грузинских царях.

⁷ Научно-исследовательский институт древних рукописей Матенадаран (далее — Матенадаран), ф. Католикоса, папка 55, д. 56.

⁸ ЦГИАГ, ф. 16, оп. 1, д. 3332, лл. 33-34; д. 3536, лл. 34-35.

⁹ Материалы к истории Персидской войны 1826-1828 гг. — "Кавказский сборник", т. XXVIII, Тифлис, 1908, д. 86.

меро погибли, еще двое попали в плен. Однако, несмотря на значительные потери, передовые части русской армии достигли своей цели: большая часть армянских семей вернулась в свои дома¹⁰.

Позже М. З. Аргутинский принял участие в осаде и взятии Аббас-Абатской крепости, а затем, 5 июля 1827 г., в бою с персидскими войсками, возглавляемыми наследником шахского престола Аббас-Мирзой. В результате русским войскам удалось нанести тяжелое поражение персидской армии. Далее Аргутинский участвовал в штурме крепости Сардарпат, в освобождении русскими войсками 1 октября 1827 г. Ереванской крепости и во взятии Тавриза. За проявленную храбрость при занятии Еревана кн. М. З. Аргутинскому было присвоено звание подполковника. Он также был удостоен благодарности императора и награжден серебряной медалью¹¹.

Война между Россией и Персией завершилась подписанием Туркменчайского мирного договора в феврале 1828 г. Одним из условий договора было переселение персидских армян в Восточную Армению. Общее руководство по организации переселения было поручено полковнику Е. Лазареву¹². М. З. Аргутинского-Долгорукого, «по известному усердию его и знанию армянского языка», назначили помощником полковника Е. Лазарева¹³. Им содействовали бывший командир 2-й армянской дружины поручик Акимов, прапорщик Шахназаров, майор С. Меликов, титулярный советник М. Ениколопов и другие армянские офицеры¹⁴. Следует признать, что главная заслуга в организации успешного переселения армян принадлежала не столько Е. Лазареву, сколько подполковнику М. З. Аргутинскому. Об этом прямо указывали в своих докладах генерал-майоры А. Панкратьев и А. Чавчавадзе и руководитель русской дипломатической миссии А. С. Грибоедов¹⁵.

Переселение встречало противодействие со стороны персидских властей, караваны переселенцев подвергались разбойничьим набегам курдов. Поэтому для обороны караванов русское командование сформировало вооруженные отряды из числа самих переселенцев. Один из них, состоявший примерно из 100 человек, был организован в районе Салмаста и поручен командованию М. З. Аргутинского-Долгорукого¹⁶. Вскоре после этого, в условиях уже начавшейся русско-турецкой вой-

¹⁰ Матенадаран, ф. Католикоса, папка 55, д. 244; Материалы к истории Персидской войны..., д. 84.

¹¹ Н. Б е р з и н. Указ. раб., с. 566-567.

¹² Лазарев Е. — представитель известной армянской династии Лазаревых — основателей знаменитого Лазаревского института восточных языков в Москве.

¹³ Матенадаран, ф. Католикоса, папка 55, д. 244.

¹⁴ АКАК, т. VII, Тифлис, 1878, с. 608, 609, 642-644, 650-652; Национальный архив Республики Армения (далее — НА РА), ф. 90, оп. 1, д. 10, лл. 206об — 207.

¹⁵ АКАК, т. VII, с. 642-644, 650-652.

¹⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА), ф. ВУА, д. 4649, л. 106.

ны 1828-1829 гг., князя назначили комендантом Еревана, поручив организацию мер по укреплению крепости¹⁷.

Одновременно, вплоть до 1829 г. подполковник М. З. Аргутинский выполнял также обязанности начальника Армянской области, созданной по указу Николая I из земель Восточной Армении, вошедших согласно Туркменчайскому миру в состав Российской империи. Он замещал на этом посту генерал-майора кн. А. Чавчавадзе, командира действовавшего против турецких войск Баязетского отряда. Но уже с начала кампании 1829 г. Аргутинский был переведен в действующий корпус. С 21 июля по 20 августа 1829 г. он принял участие в походе и взятии крепости Байбурт, участвовал в бою против отрядов лазов и черкесов у селения Харт, во взятии города Гюмушхана. В сентябре 1829 г. приказом главнокомандующего графа И. Ф. Паскевича-Эриванского подполковник Аргутинский был назначен командиром отряда, направленного для усмирения шаек турков, курдов и черкесов, совершавших набеги на коммуникации и тылы русских войск в Нариманском и Олтинском санджаках. Разбив у селения Сурб-Саркис отряд турок и курдов под командованием Аслан-бека, а у крепости Олти — Гуссейн-бека, 18 сентября Аргутинский занял Олты¹⁸.

За отличие при взятии Олты князь Моисей Захарович, единственный из всех армянских офицеров Кавказского отдельного корпуса в период русско-турецкой войны 1828-1829 гг., был удостоен одной из наиболее почетных наград Российской империи — ордена Св. Георгия 4-й степени¹⁹.

В конце 1830 г., будучи уже батальонным командиром, Аргутинский впервые встречается в бою с горцами, противником, с которым ему предстояло сражаться впоследствии вплоть до конца жизни. 5 ноября 1830 г. близ крепости Новые Закаталы он разбивает крупный отряд лезгин, напавший на русские войска, а 14 ноября войска Аргутинского занимают укрепленное селение Закаталы. 22-23 декабря 1830 г. последовал разгром отрядов глуходарских лезгин, намеревавшихся напасть на русское укрепление Белоканы. В 1831 г. Аргутинский принимает участие в трудной экспедиции русских войск под командованием полковника Эспехо²⁰ в район ущелья Капис-дар, для усмирения тамошних лезгин²¹.

¹⁷ НА РА, ф. 90, оп. 1, д. 10, лл. 486-487; Матенадаран, ф. Католикоса, папка 58, д. 292.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА), ф. 1018, оп. 3, д. 192, ч. 2, лл. 121об.-122.

¹⁹ А. Л. Г и з е т т и. Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Тифлис, 1901, с. 46.

²⁰ Полковник Эспехо был офицером испанской армии, перешедшим впоследствии на русскую военную службу, при главнокомандующем И. Ф. Паскевиче занимался квартирмейстерской службой, участвовал в войнах с Персией, Турцией и боях против кавказских горцев. (см. также : Н. Б е р з и н. Указ. раб., с. 568).

²¹ Н. Б е р з и н. Указ. раб., с. 568.

В середине марта 1832 г. небольшая группа джарских лезгин, прорвалась через русские кордоны на границе с Кахетией. Аргутинским были предприняты оперативные меры и вскоре отряды местной милиции, под командованием армянина прапорщика Нацвалова, настигнув горцев в лесах района Белокан, внезапно атаковали и рассеяли их. За проявленное отличие, приказом по Кавказскому корпусу главнокомандующего барона Розена прапорщику Нацвалову была объявлена благодарность²².

В том же 1832 г. князь Аргутинский был назначен командиром Тифлисского пехотного полка, расквартированного в то время в Ереванской крепости. В 1833 г. его отряд участвовал в усмирении курдских племен в Армянской области. В 1837 г. войска Кавказского корпуса, под командованием самого Розена, совершили экспедицию для покорения Цебельды (Северная Абхазия). В их составе был и Тифлиссский пехотный полк М. З. Аргутинского. Русские войска, выйдя из Сухума 30 апреля, после тяжелого перехода через леса и болота черноморского побережья, 24 мая заняли мыс Адлер и начали строить там укрепление. Во время этого перехода и последующих боев с горцами вновь отличился Аргутинский, который вскоре был произведен в полковники и назначен командиром Тифлисского егерского полка²³.

В 1838 г. вспыхнули волнения среди горцев и мусульман Шекинской провинции. Восставшие заняли Нуху. Комендант города Шеки подполковник Минченков, имея в своем распоряжении только две роты неполного состава, вместе с частью армянского населения был вынужден укрыться в полуразрушенной крепости и ждать прибытия подкреплений. Вооружив местных армян, комендант обратился за помощью и к армянскому населению окрестных районов. Через 6 часов отряд из 100 армянских всадников, проскакав 70 верст, прибыл на подмогу шекинскому гарнизону. Когда лезгинам удалось ворваться в город и занять здание караван-сарая, находившееся недалеко от стен крепости и представлявшее удобную позицию для действий против русского гарнизона, тифлиссский армянин Исаак Кузинов, спустившись по веревке из крепости, несмотря на огонь неприятеля поджег здание²⁴. Для помощи гарнизону Шеки из селения Царские Колодцы был направлен батальон Тифлисского егерского полка, во главе с Аргутинским, который в результате форсированного марша уже ночью 31 августа подошел к Нухе. В результате боев 1–3 сентября русские войска под командованием полковников Аргутинского и Безобразова нанесли тяжелое поражение горцам и заняли город. Спокойствие в провинции в целом было восстановлено. Аргутинский, вскоре же, был назначен командиром от-

²² Ф. Ф о н - К л и м а н. Война на Восточном Кавказе в связи с мюридизмом — "Кавказский сборник", т. XVII, Тифлис, 1896, с. 346-347.

²³ Н. Б е р з и н. Указ. раб., с. 568-569.

²⁴ АКАК, т. IX, Тифлис, 1884, с. 319-321.

ряда, собранного в районе Нухи, для предупреждения набегов лезгин на Закаталы²⁵.

В середине октября 1838 г. Аргутинский предпринял новый поход. С отрядом, в состав которого входили батальон тифлиссских егерей, дивизион Нижегородского драгунского полка, 13 сотен шекинской и ширванской милиции, с 2 орудиями, он выступил из окрестностей Нухи вдоль по Хачмазскому ущелью. Пройдя примерно 15 верст без сопротивления, отряд был встречен огнем лезгин у высоты Кондала-Марш. Чтобы выбить лезгин из леса, Аргутинский выдвинул на позиции артиллерию под прикрытием 2 егерских рот и, приказав ей открыть огонь по лезгинам, послал 3 сотни конной милиции в обход. Эти меры заставили лезгин оставить позиции и отступить к завалам на вершине Кондала-Марша. Понеся крупные потери, горцы, преследуемые милицией и егерями, вынуждены были отступить и с этих позиций. Вскоре Аргутинский со своим отрядом возвратился в Нуху, завершив боевые действия в Шекинской провинции и прилегающих районах²⁶. За отличия, проявленные в ходе этих боевых действий, князь Аргутинский был награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

Через некоторое время Аргутинского назначили военно-окружным начальником Ахалцихской провинции, где он принял активное участие в мерах по борьбе со вспыхнувшей там эпидемией чумы. В 1841 г. в Гурии (Западная Грузия) началось восстание, для подавления которого был послан ахалцихский окружной начальник полковник М. З. Аргутинский, назначенный также командиром 1-й бригады Грузинских линейных батальонов. Как указывалось в рапорте главнокомандующему на Кавказе генералу Е. А. Головину, эта миссия была поручена Аргутинскому, как «штаб-офицеру, опытному в здешнем крае, знающему местные языки и известному своим благоразумием, вменив ему, вместе с тем, в обязанность взять из Ахалцихского уезда милицию»²⁷. Для помощи русским войскам армяне Джавахка выставили 2 сотни Ахалцихской конной милиции, вместе с полковником Аргутинским выступившей в направлении Гурии²⁸. В письме М. З. Аргутинскому от 14 августа 1841 г. начальник штаба Кавказского корпуса генерал-майор Коцебу объяснял, почему выбор командования пал на него, следующим образом: «Никто не исполнит с таким благоразумием и успехом восстановление порядка в Гурии, как Ваше сиятельство, пользующийся полным доверием начальства и влиянием в народе. Я посчитал долгом своим покор-

²⁵ А. Ю р о в. Три года на Кавказе (1837-1839). — «Кавказский сборник», т. VIII, Тифлис, 1885, с. 222-228.

²⁶ АКАК, т. IX, с. 220-221; А. Ю р о в. Указ. раб., с. 229-231.

²⁷ АКАК, т. IX, с. 165-166.

²⁸ См. подробнее: С. М и н а с я н. Участие армян Джавахка в Крымской войне 1853-1856 гг. — «Вопросы истории Армении», т. 3, Ереван, 2002, с. 49-50.

нейше просить Вас отправиться немедленно в Гурию и всеми мерами стараться вразумить народ»²⁹.

В ходе этой операции, когда Аргутинский был назначен командиром отдельного отряда и мог действовать уже по своему усмотрению, в первый раз проявилось во всем объеме воинское дарование кн. Моисея Захаровича. Его экспедиция в Гурию продолжалась с 10 августа по 15 декабря 1841 г. Собрав необходимое количество регулярных войск и милиции, кн. Аргутинский 30 августа уже выступил в направлении Озургети, который был окружен восставшими гурийцами. Так как на пути к Озургети русские войска встретили сильно укрепленную позицию противника, взятие которой могло бы привести к значительным потерям, полковник Аргутинский решил ночью обойти позиции восставших и напасть на них с той стороны, откуда его меньше всего ожидали. Оставив часть своего отряда для демонстративных действий против фронта и правого фланга противника, с остальными войсками он двинулся назад. Пройдя 7 верст, он направил свои войска по проселочной дороге вправо, в обход левого фланга гурийцев. В 9 часов утра 3 сентября Аргутинский появился перед Озургети и неожиданно напал на отряды восставших. Застигнутый врасплох неприятель не смог долго сопротивляться и вскоре отступил. Через два часа все окрестности Озургети были освобождены от отрядов восставших³⁰. В рапорте военному министру кн. А. Чернышеву генерал Е. А. Головин указывал: «Озургеты освобождены от тесной блокады мятежников, которые, вследствие благоразумных распоряжений кн. Аргутинского и хорошо обдуманного движения его, с большей частью отряда, в обход укрепленной их позиции, рассеяны со значительным для них уроном и почти без всякой потери с нашей стороны... В заключении обязываюсь сказать, что настоящие действия полковника кн. Аргутинского показывают в нем человека с хорошими военными способностями и заслуживающего особенного внимания»³¹.

После поражения под Озургети большая часть гурийцев вскоре рассеялась и кн. Аргутинский начал приводить к присяге население Гурии, одновременно разыскивая виновников восстания, чтобы не дать им сбежать в Турцию или скрыться в лесах. В результате, командующий турецкими войсками в районе Кобулетти вскоре поймал и передал русским властям укрывавшихся в турецких владениях зачинщиков беспорядков, а большую часть главарей выдали сами жители Гурии, стремившиеся загладить вину за участие в восстании. Вскоре, военный министр в письме генералу Е. А. Головину сообщил о желании императора представить к наградам полковника Аргутинского за быстрое и успешное подавление восстания в Гурии. Уже 8 декабря 1841 г. кн. Аргу-

²⁹ В. Ч у д н о в. Восстание гурийцев в 1841 году. — «Кавказский сборник», т. XIV, Тифлис, 1890, с. 247.

³⁰ Там же, с. 281-295.

³¹ АКАК, т. IX, с. 173-174.

тинский, завершив миссию в Гурии, выехал из Озургети в Ахалцих. За отличия в ходе подавления Гурийского восстания кн. Аргутинский-Долгорукий был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени³².

1842 г. Аргутинский встретил на новой должности. Ему предстояло принять под свое командование Самурский отряд и направиться в Дагестан для усмирения перешедшего на сторону Шамиля Казикумыхского ханства в Самурском округе. С начала года русские войска в Дагестане находились в весьма тяжелом состоянии, несли потери, всюду вспыхивали мятежи, сопровождавшиеся дерзкими набегами горцев на русские укрепления. Требовался новый решительный командир, который смог бы спасти ситуацию. И таким человеком оказался полковник М. З. Аргутинский-Долгорукий. С этого периода начинается самый блестящий этап военной карьеры князя, теперь уже неразрывно связанный с Северным Кавказом. Именно ему была обязана русская Кавказская армия многочисленными победами, ставшими классическими примерами в истории боевых действий в сложных горных условиях Северного Кавказа.

Сразу же после своего назначения командиром Самурского отряда Аргутинский перешел к активным действиям. Очень скоро он нанес тяжелое поражение крупным отрядам горцев в сражении у селения Кюлюли, а затем русские войска заняли и центр ханства – селение Кумух. Наградой Аргутинскому за успешную операцию стало присвоение звания генерал-майора³³. Кроме этого, «за отличные действия и распоряжения во время вторжения Шамиля в июне 1842 г. в Кумух, и в особенности при разбитии скопищ Шамиля, 2 июня, при селении Кюлюли» генерал-майор кн. М. З. Аргутинский был удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени³⁴.

Известно, что в своей борьбе против Шамиля русские власти неоднократно стремились сочетать военные действия с политическими средствами, с целью привлечь на свою сторону местное население, владельцев уделов и командиров горских отрядов в Дагестане. При этом особая роль отводилась военным начальникам русской армии на местах, которые должны были координировать работу с горским населением и склонять его к совместной борьбе против имама Шамиля. По характеристике главнокомандующего Е. А. Головина, важную роль в этих мероприятиях должен был сыграть начальник Самурского отряда генерал-майор Аргутинский, «как человек умный, знающий здешние языки и обычаи и показавший на опыте уже большую осторожность в действиях»³⁵.

³² В. Ч у д и н о в. Указ. раб., с. 300-302; АКАК, т. IX, с. 175.

³³ Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 г. до конца 1842 г. — «Кавказский сборник», т. XXXII, Тифлис, 1913, с. 61.

³⁴ А. Л. Г и з е т т и. Указ. раб., с. 67.

³⁵ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сб. док. Махачкала, 1959, с. 355.

Через некоторое время, согласно рапорту нового главнокомандующего Кавказским корпусом генерал-адъютанта А. И. Нейдгарта военному министру А. И. Чернышеву от 10 февраля 1844 г., М. З. Аргутинский был назначен командующим русскими войсками в Дербентском военном округе, а также в Среднем и Южном Дагестане³⁶. В этот год Шамиль достиг крупных успехов в боях против русских войск: были взяты Авария, готовилось вторжение в Мехтулинское и Казикумыхское ханства. Но планы имама были сорваны в результате блистательных побед отряда Аргутинского в апреле 1844 г. у селения Марги и позднее, в июне месяце, на высотах Доккул-бяр³⁷.

Полководческий кругозор и знание Аргутинским специфики ведения боевых действий в горных условиях Северного Кавказа ярко проявились в ходе подготовки и проведения знаменитой Даргинской экспедиции 1845 г. и последующих событий. Как известно, эта экспедиция, несмотря на участие в ней самого новоназначенного главнокомандующего на Кавказе графа (впоследствии князя) М. С. Воронцова, закончилась тяжелой неудачей русских войск. Экспедиция явилась, вероятно, последней попыткой русского командования, при прямой указке из Санкт-Петербурга, решить проблему горцев одним ударом, который, по их мнению, мог бы способствовать окончательному поражению Шамиля и возглавляемого им имамата. К чему привел этот поход, известно: во весь период и без того кровопролитной Кавказской войны Даргинская экспедиция 1845 г. явилась, пожалуй, одной из наиболее неудачных и тяжелых кампаний русской армии. Участвовал в походе и Аргутинский, командовавший Самурским отрядом. Он был из немногих опытных кавказских генералов, которые полностью осознавали все трудности и последствия данной экспедиции. В письме А. И. Нейдгарту от 1 августа 1844 г. Аргутинский выразил свое отношение к готовящемуся походу и возможным его итогам следующим образом: «Ваше превосходительство, намереваясь сделать движение в горы, конечно, изволите предполагать не больше, как поиск, с целью уничтожить средства Шамиля к ведению войны, а главное иметь случай уничтожить скопища его, если бы он, встретясь с войсками нашими, решился дать бой. После этого войска должны будут возвратиться, очистив совершенно страну, в которую предполагается сделать вторжение»³⁸. При этом Аргутинский указывал, что продвижение русских войск в глубь территории горцев, сопряженное с трудностями по доставке продовольствия наступающим войскам, будет также затруднено пересеченной местностью и враждебным отношением к русским местного населения. По возвращении же русские понесут еще большие потери со стороны горцев, кото-

³⁶ РГВИА, ф. ВУА, д. 6535, лл. 47-47об.

³⁷ А. Ю р о в. 1844-й год на Кавказе. — "Кавказский сборник", т. VII, Тифлис, 1883, с. 170-171.

³⁸ А.-Д. Г. [Д. Г. Анучин]. Поход 1845 г. в Дарго. — "Военный сборник", № 5, СПб., май 1859, с. 5.

рые не упустят возможности атаковать небольшие разрозненные отряды отступающих русских войск: «Неприятель, по мере движения нашего вперед, будет отступать в глубь страны, хотя, конечно, терпя урон от бою, но не расстраиваясь совершенно... Движение наше в глубь страны будет зависеть от запасов продовольствия, которые будем иметь с собою, но во всяком случае должно будет прекращено, так сказать, в виду более или менее сильного неприятеля, который по возвращению нашем не упустит случая преследовать войска наши, к чему также будет много способствовать большая его подвижность»³⁹. Не правда ли, прогноз Аргутинского как бы предугадывает исход и Даргинского похода, и знаменитой «сухарной экспедиции», и трагическую судьбу русских солдат и офицеров, павших в этих боях, к примеру, известного генерала Д. В. Пассека и многих других?

Впрочем, на этом доклад генерала не заканчивался. В продолжении Аргутинский давал картину того, какое стратегическое значение могли бы иметь последствия готовящейся Даргинской экспедиции для дальнейшей ситуации на Северном Кавказе и планов русского командования: «Таким образом, край, в который мы сделаем вторжение, будет опять оставлен нами. Кроме некоторого разорения, которому подвергнутся жители, средства неприятеля, заключающиеся в его вооруженных силах, останутся без большого изменения... Наступательное движение наше в Аварию, Гумбет и Андию и возвращение оттуда без всяких по вероятности решительных результатов не может произвести выгодного для нас впечатления, как в жителях занятого ныне неприятелем края, так и во всех жителях Дагестана, ныне нам покорных»⁴⁰. Вместе с тем командир Самурского отряда в своем письме подчеркивал, что, несмотря на эти трудности, «уверенный в войсках вверенного мне отряда, смело могу сказать, что войска сделают все, что от них будет требоваться. Более сильное сопротивление неприятеля увеличит только потери храбрых... Остается только решить, будут ли потери эти соответствовать последствиям этой экспедиции»⁴¹. На самом деле, итоги Даргинского похода, как известно, оказались намного более тяжелыми для русских войск, чем даже предполагалось. Около 4000 человек было убито и ранено, среди них известные генералы, потеряно большое количество снаряжения, а престижу и авторитету России среди горцев был нанесен серьезный урон. Однако результаты похода заставили русские военные власти и самого гр. М. С. Воронцова, малознакомого со спецификой ведения боевых действий на Северном Кавказе, изменить общую стратегию войны в незнакомых и труднодоступных кавказских горах и вернуться к длительной, но верной, «ермоловской»⁴²

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, с. 6.

⁴² Авторство данной тактики, предусматривающей медленное и постепенное завоевание Северного Кавказа путем строительства укреплений и дорог и ме-

тактике осады «крепости Кавказ», которая предусматривала постепенное строительство укреплений, дорог, рубку леса и медленное продвижение в глубь Дагестана и Чечни⁴³.

Замечания Аргутинского в конце его доклада по поводу последующих действий демонстрируют глубокое понимание генералом сложившейся военной ситуации: «Для совершенного упрочнения завоеванного уже края, если вы не имеете намерения продолжать военные действия далее в горы, чтобы там утвердиться, то по моему мнению необходимо устроить Гергебильское укрепление, как пункт, соединяющий Кумух и Темир-Хан-Шуру, могущий служить пунктом опоры войскам, имеющим действовать для прикрытия Шамхальской плоскости, Мехтулинских владений, Цудахары и Акуши. Разработка дорог от Гергебиля к Темир-Шан-Шуре, Кумуху и на прямое сообщение с Дербентом, также по моему мнению, есть предмет первостепенной важности»⁴⁴. Недооценка значения Гергебиля со стороны русского командования в период после Даргинской экспедиции привела к тому, что войска Шамиля сами заняли и укрепили имеющий важное значение для организации и обеспечения боевых действий пункт, так что следующие 2-3 года одной из основных задач русских в Дагестане стала нейтрализация этого укрепления.

В ходе Даргинской экспедиции Самурский отряд, несмотря на общую неудачу русских войск, смог в целом решить поставленные командованием задачи. Удачные бои отряда против горцев на фоне тяжелых потерь, понесенных русской армией в других районах, повысили авторитет кн. Аргутинского, одного из немногих командиров того периода, кто практически не потерпел поражений в боях против горцев. За успешное проведение кампании 1845 г. М. З. Аргутинский получил звание генерал-лейтенанта русской армии. С 1 января 1847 г. он был назначен Дербентским военным губернатором, а в ноябре того же года — командующим русскими войсками и управляющим гражданской частью в Прикаспийском крае⁴⁵.

Примечательна оценка деятельности Аргутинского в этот период со стороны его непосредственного командира — наместника Кавказского и главнокомандующего Кавказским отдельным корпусом генерал-фельдмаршала князя М. С. Воронцова, героя Отечественной войны 1812 г., человека, имя которого вошло как в военную историю России, так и в летопись покорения и освоения Российской империей Кавказа в первой половине XIX века⁴⁶. В письмах к бывшему «проконсулу Кав-

---

тодичное продвижение в глубь гор, приписывается также генерал-квартирмейстеру Кавказского отдельного корпуса А. Вельяминову.

⁴³ М. М. Б л и е в, В. В. Д е г о е в. Кавказская война. М., 1994, с. 482.

⁴⁴ А.-Д. Г. Указ. раб., с. 6-7.

⁴⁵ Н. Б е р з и н. Указ. раб., с. 573-574.

⁴⁶ М. С. Воронцов еще в самом начале XIX в. служил на Кавказе под началом главнокомандующего П. Цицианова и особо отличился во взятии крепости Гянджа 3 января 1804 г. В этом бою поручик Преображенского полка граф М.

каза» А. П. Ермолову (давнишнему другу наместника еще со времен наполеоновских войн) М. С. Воронцов так характеризовал М. З. Аргутинского: «Аргутинский настоящий генерал, имеет большие способности, большой навык, обыкновенно счастлив на войне и знанием края, языков, и общою доверенностью и наших войск и туземной милиции, он незаменим в том важном месте, где теперь начальствует»⁴⁷.

Что касается отношения самого «проконсула» к Аргутинскому, в судьбе которого он сыграл в свое время важную роль, то можно заметить весьма любопытную эволюцию взглядов Ермолова относительно военной и административной деятельности князя Моисея Захаровича на Северном Кавказе. Как известно, Ермолов, после своего отъезда с Кавказа не переставал интересоваться страной, обязанной ему своим развитием, и регулярно получал оттуда известия, благодаря которым он, правда с характерной для него скептичностью, давал весьма точные оценки происходящим событиям, относящиеся, в первую очередь, к ходу войны с горцами и характеристике русских военачальников. В феврале 1846 г. в письме Воронцову Ермолов пишет: «Аргутинскому ты приписываешь достоинства и способности, каковые редко находились в самых отличнейших полководцах. Говоришь, что он никем не заменим в краю, где он начальствует, что к нему общая доверенность и наших войск, и туземцев. Как сметь что-либо сказать вопреки убеждению начальника известного проницательностью, и особливо мне ли позволительно иметь мнение, когда я совсем не знаю князя Аргутинского, а дела его знаю из отзывов других? Но многие согласятся с простым рассуждением моим, что небесполезен иногда взгляд старшего за действиями частных начальников, распоряжающихся произвольно и с тою же непринужденностью описывающих свои изумительные подвиги. Право, не заметишь, как они пролезут в герои, а там, что менее Грузии дать в команду прославленному?»⁴⁸ Такое впечатление, будто в словах А. П. Ермолова проскальзывает намек на широко известный «опыт» его взаимоотношений с И. Ф. Паскевичем после побед последнего в начале русско-персидской войны 1826-1828 гг.

Однако постепенно А. П. Ермолов убеждается, что его первоначальное мнение о способностях М. З. Аргутинского было чересчур предвзятым. 31 августа 1846 г. он уже пишет М. С. Воронцову: «Не знаю, почему вздумал ты, что я не люблю Аргутинского. Я вижу в нем человека полезного, сторону, в которой он употреблен, лучше знающего, нежели все другие начальники, так же как и народы, против которых он дейст-

---

С. Воронцов на своих руках вынес раненого штабс-капитана Котляревского (будущего героя Асландузского сражения), за что был награжден именной боевой шашкой (см.: Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис, 1907, с. 113).

⁴⁷ Князь М. С. Воронцов и А. П. Ермолов, их переписка о Кавказе (1845-1847). — "Русский архив", СПб., 1890, №2, с. 178.

⁴⁸ Архив князя Воронцова. Бумаги фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. Кн. 36, М., 1890, с. 282.

вует. Ни у кого нет людей, доставляющих вернейшие сведения. Знаю и многие другие свойства похвальные, которые ты в нем заметил... Также не могу и до того быть безрассудным, чтобы не почитать его весьма полезным для службы в краю, где перед многими имеет он чрезвычайно большие преимущества; но в то же время не боюсь впасть в большую погрешность, не находя в нем тех свойств, которые могли бы Тюрену и Вилларду служить украшением»⁴⁹.

Успешная боевая служба Аргутинского в Дагестане окончательно изменила мнение о нем бывшего «проконсула Кавказа». В своем очередном письме наместнику, датированном 14 февраля 1849, когда после ряда блистательных побед армянского генерала его военный авторитет уже никем не ставился под сомнение, Ермолов отмечал: «За князя Аргутинского ручаются и прежние его дела и совершенное знание края; против военных его способностей никто не говорит ни слова, и за эту страну ты можешь быть покоен»⁵⁰.

В многолетней боевой службе Аргутинского на Северном Кавказе выделяется кампания 1847 г., ознаменованная штурмом и взятием важного горского укрепления Салты, являвшегося ключевым пунктом в системе горских укреплений Дагестана. В ходе штурма этого аула 14 сентября генерал-лейтенант Аргутинский получил ранение в голову, когда лично вел солдат в атаку. И даже несмотря на это, он остался в строю вплоть до окончательного занятия Салты русскими войсками. Согласно воспоминаниям очевидцев, «князь Аргутинский, находясь в сфере сильного неприятельского огня, восторженно взирал на героические подвиги солдат и милиционеров⁵¹ и спокойно направлял то туда, то сюда своих адъютантов и ординарцев, с короткими и всегда решающими приказаниями. Но вдруг, он запнулся на слове, пошатнулся и слабая струя крови пошатнулась на грудь с его лица. Первым побуждением героя было — отереть лицо ладонью и не показать вида, что и он также уязвим; но затем, убедившись, что его щека прострелена и тре-

⁴⁹ Там же, с. 316.

⁵⁰ Там же, с. 391.

⁵¹ В осаде Салты кроме регулярных войск и дагестанской милиции принимали участие и ополчения, сформированные из числа других кавказских народов, в том числе армян. Из милиционеров был составлен особый отряд добровольцев («охотников»), которому предстояло первым идти на штурм укрепления. Командовал отрядом ротмистр кавалерии Мартирос Векилов, геройски погибший в ходе штурма. Он отличился еще в годы русско-персидской войны 1826-1828 гг., а в русско-турецкой войне 1828-1829 гг., в звании прапорщика русской армии, руководил Карским армянским ополчением. Позднее, поручик Мартирос Векилов был командиром почетного конвоя, который составлял эскорт императора Николая I в период его поездки в Армянскую область в 1837 г. (см. подробнее: РГВИА, ф. ВУА, д. 6218, л. 21; НА РА, ф. 342, оп. 1, д. 5, л. 85; О путешествии императора Николая I на Кавказе в 1837 году. Сб. материалов. — «Кавказский сборник», т. XXXII, Тифлис, 1912, с. 329; Н. А. В о л к о н - с к и й. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год. Осада Гергебиля и взятие Салты. — «Кавказский сборник», т. VI, Тифлис, 1881, с. 644-649).

бует перевязки, наконец, уступил требованиям окружавших его лиц... и на время уступил начальствование войсками начальнику главного штаба генерал-лейтенанту Коцебу»⁵².

В своем приказе по Кавказскому отдельному корпусу от 12 сентября 1847 г., по случаю взятия войсками Дагестанского отряда укрепления Салты, главнокомандующий князь М. С. Воронцов указывал: «В этом приказе никого называть не могу, ибо имен было бы слишком много, я назову их в последующих приказах; одно только имя нераздельно с составом отряда и не может быть здесь умолчено: генерал-лейтенант Аргутинский-Долгорукий был во все время подо мною общим начальником отряда; шестую кампанию в Южном Дагестане он постоянно ознаменовывает себя блистательными и полезными действиями; его благоразумным распоряжениям, его знанию края и полной доверенности к нему от всех жителей оногo... наконец, во всех делах против неприятеля, во всех наших экспедициях он показывал постоянно примеры благоразумной распорядительности и совершенного самоотвержения... не могу довольно изъяснить всего и сколько я чувствую к нему признательности и душевного уважения»⁵³.

По представлению наместника, за взятие Салты М. З. Аргутинский был награжден орденом Белого орла. В одном из писем М. С. Воронцову А. П. Ермолов также по достоинству оценивал действия Аргутинского по взятию Салты: «Я уверен, что из князя Аргутинского ты извлек большую пользу, ибо лучше его никто не знает этой местности и относящихся до края обстоятельств, чему кроме способностей его, способствовал долговременный опыт. Ты видишь, что я отдаю не только должную справедливость, но даже знаю сколько трудно заменить его»⁵⁴.

Однако кампания 1847 г. не ограничилась только занятием укрепления Салты и осадой Гергебиля. Не успели войска основного отряда разойтись в места постоянной дислокации для отдыха, как новые отряды горцев вновь вторглись в контролируемые русскими территории со стороны Унжугатальского и Вицхинского магалов. Главный действующий корпус русских войск – Дагестанский отряд, теперь уже под непосредственным командованием Аргутинского, 10 ноября выступил из Темир-Шан-Шуры и направился к Акуше для оказания помощи осажденному войсками Шамиля Цудахару. После его деблокады войска Дагестанского отряда направились далее в Вицхинский магал, где после ряда успешных стычек с горцами заняли несколько аулов⁵⁵.

Следующий, 1848 г. был ознаменован новыми победами Аргутинского. Так, он командовал русскими войсками при взятии Гергебиля, затем

⁵² Н. А. Волконский. Указ. раб., с. 649.

⁵³ Выдающиеся приказы главнокомандующего Кавказским отдельным корпусом и наместника Кавказского генерал-адъютанта князя М. С. Воронцова. – «Кавказский сборник», т. XXXI, Тифлис, 1911, с. 19-20.

⁵⁴ Архив князя Воронцова..., с. 353-354.

⁵⁵ Н. Берзин. Указ. раб., с. 576-577.

отряд генерала деблокировал русское укрепление Ахты, одержав победу над отрядами Шамиля в сражении у аула Мискинджи. Итоги первой, неудачной для русских войск, осады сильно укрепленного Гергебиля в 1847 г. вынудили командование Кавказского корпуса более тщательно подготовиться к его новому штурму. На сей раз Аргутинский и не намеревался быстрым натиском выбивать мюридов из аула. Он, в течение пяти дней, с 9 по 13 июня 1848 г., производил только рекогносцировку аула. Окончательно укрепление было окружено только после занятия селения Аймяки 5 июля. Началась массированная бомбардировка Гергебиля: 18 часов подряд по укреплению стреляли 8 мортир, 11 батарейных и 6 легких орудий. Гарнизон не выдержал и очистил укрепления, но большая часть мюридов была перебита при попытке прорваться через линии осаждающих. 7 июля 1848 г., через месяц после подхода русских войск к Гергебилю, аул был занят и разрушен⁵⁶.

Уничтожение Гергебильского укрепления имело важные последствия для дальнейшего хода войны с Шамилем. Лишившись пункта, из которого постоянно совершались набеги на Даргинский округ и Мехтулинское ханство, имам был вынужден теперь собирать свои силы или по левую сторону р. Кара-Койсу, или у селений Араканы и Кодух, что удаляло их от тогдашней границы контролируемых русскими районов. Поэтому горцы, в случае преследования войсками Кавказского корпуса, ставились в затруднительное положение, так как уже были лишены опорного пункта при переправе через р. Кара-Койсу. Одновременно, с занятием Гергебиля, русские войска получили возможность постройки в этом районе собственного укрепления, местом которого, по настоянию Аргутинского, было выбрано селение Аймяки⁵⁷.

Падение Гергебильского укрепления не сломило упорство мюридов Шамиля. В конце августа 1848 г. появились сведения, что войска горцев, во главе с Даниэль-беком, к которому несколько позднее присоединился и сам Шамиль, вошли в район Самурского ущелья, где к ним примкнула часть местного населения. Вскоре большинство селений, расположенных вдоль реки Самур, было занято мюридами. Однако дальнейший путь из ущелья горцам преграждало русское укрепление Ахты, которое 14 сентября было осаждено войсками Шамиля. Князь Аргутинский, узнав об осаде укрепления, с небольшим отрядом войск, бывших в его распоряжении, поспешил на помощь гарнизону Ахты. Тем временем Шамиль предпринял ряд неудачных штурмов, однако силы гарнизона были уже на исходе и он не мог более держаться. Внезапно 23 сентября, к удивлению защитников укрепления, Шамиль неожиданно снял осаду и спешно отступил в горы. Объяснялось это тем, что 22 сентября, в день последнего штурма, Аргутинский разбил при

⁵⁶ Н. И. Покровский. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000, с. 422.

⁵⁷ Н. А. Волконский. Трехлетие в Дагестане. Взятие Гергебиля и геройская защита укрепления Ахты. — "Кавказский сборник", т. VII, с. 536-538.

Мискинджи войска Шамиля, и имам, опасаясь удара в тыл, был вынужден прекратить осаду и отступить. Вскоре гарнизон Ахты встречал уже отряд войск под командованием Аргутинского⁵⁸.

За взятие Гергебиля Аргутинский первым среди армян был удостоен звания генерал-адъютанта русской армии (кстати, к началу XX в. всего лишь около 60 военачальников русской императорской армии удостоивались этого почетного звания). А за победу при Мискинджи князь получил орден Св. Александра Невского⁵⁹. В своем рапорте императору Николаю I от 6 октября 1848 г. М. С. Воронцов писал: «Решительное движение генерал-адъютанта кн. Аргутинского и смелая атака неприятельской позиции близ селения Мискинджи представляют новый пример военных способностей и достоинств этого генерала»⁶⁰. Более лаконична, но не менее точна характеристика, данная Ермоловым в письме Воронцову от 1 ноября 1848 г. «Князь Аргутинский и войска под его начальством действуют славно!»⁶¹.

За успехи в период долгой службы на Северном Кавказе Моисей Захарович получил в Дагестане прозвище «Самурский лев». Аргутинскому была присуща особая изобретательность в методах и способах ведения горной войны. Например, в 1849 г. при подготовке осады русскими войсками укрепленного селения Чох в горном Дагестане, он приказал доставить из арсенала Ереванской крепости 2 тяжелых 24-фунтовых осадных орудия для разрушения стен укрепления — довольно редкий, если не единственный случай применения тяжелых осадных орудий такого калибра в горных условиях при боевых действиях того времени. Несмотря на то, что было чрезвычайно сложно доставить эти орудия из Ереванской крепости в Дагестан, князь особо настаивал на этом, убедив заместителя Кавказа М. С. Воронцова, что «в войне с горцами каждый год надобно что-нибудь новенькое»⁶². Сама осада аула Чох войсками под командованием Аргутинского началась 5 июля 1849 г. Вскоре войска начали усиленную бомбардировку Чоха, с применением тяжелых осадных орудий. К 22 августа аул был почти полностью разрушен, однако на этот раз Аргутинский не пошел на штурм Чоха, посчитав, что не стоит терять людей из-за захвата «груды камней», в которое было превращено горское селение⁶³.

В последующие годы русские войска в Дагестане под командованием генерал-адъютанта Аргутинского продолжали вести успешные бои против горцев Шамиля, медленно, но планомерно сжимая кольцо

⁵⁸ Граф Добровольско-Евдокимов, 1848-й год в Дагестане. — "Кавказский сборник", т. VI, с. 693-721.

⁵⁹ Н. Б е р з и н. Указ. раб., с. 578.

⁶⁰ АКАК, т. X. Тифлис, 1885, с. 491-492.

⁶¹ Архив князя Воронцова..., с. 383.

⁶² Э. В. Б р и м м е р. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-м кадетском корпусе и выпущенного в 1815 г. — "Кавказский сборник", т. XVII, Тифлис, 1896, с. 94-96.

⁶³ АКАК, т. X. с. 495.

вокруг противника и продвигаясь в глубь его территории. Наградой за эти бои стал орден Св. Владимира 1-й степени, присвоенный Аргутинскому в 1851 г. Каждый год Аргутинский собирал войска в районе Турчидага (Гамашинские высоты), своей любимой стоянки, с вершин которой открывался восхитительный вид на окрестные горы. Находясь почти на высоте 8 тыс. футов над уровнем моря и будучи с двух сторон окружен реками (Кара-Койсу и казикумыхский Койсу), Турчидаг выделялся здоровым климатом, а в стратегическом отношении был важен тем, что лежал почти посередине между Северным и Южным Дагестаном и на своем широком плато, площадью около 15 кв. км, мог вместить почти 25-тысячное войско. Этих факторов было вполне достаточно, чтобы Турчидаг стал главным местом сбора Дагестанского отряда накануне каждой кампании Аргутинского. Оттуда русские войска начинали свои боевые экспедиции, работы по строительству укреплений и дорог, рубили просеки в лесах, все глубже продвигаясь в горы Северного Кавказа.

Одновременно началось все больше и больше проявляться внутреннее ослабление самого имамата Шамиля, что сказывалось на результатах его боев с русскими войсками. К примеру, в июне 1851 г. Шамиль, пользуясь тем, что главные силы Кавказского корпуса были сосредоточены в Чечне, в последний раз сделал попытку овладеть Казикумухом. Имам с главными силами выдвинулся к аулам Чох и Сугратль, а салтинского наиба Омара направил в Табасарань и Кайтаг. Затем он поднялся в район Турчидага, но 19 июня был разбит там войсками М. З. Аргутинского. До середины июля Шамиль продолжал занимать Турчидаг, пока 12 июля не был повторно разгромлен. Еще раньше, 22 июня, был разгромлен его наиб Омар, и Шамилю стало ясно, что необходимо окончательно отказаться от попыток занятия Казикумуха. Имам все же предпринял попытку поднять восстание против русских в Кайтаге и Табасарани, для чего направил туда самого решительного и известного из своих наивов — Хаджи-Мурата. Однако надежда на восстание в Табасарани провалилась: местное население, на фоне побед русских войск и увеличивающегося разложения внутри самого имамата, перестало поддерживать Шамиля и к Хаджи-Мурату присоединилась лишь небольшая часть жителей этой области. Вскоре подошел отряд Аргутинского, и в боях 21-24 июля 1851 г. Хаджи-Мурат был разбит, с трудом прорвавшись обратно в горы⁶⁴.

Победы М. З. Аргутинского способствовали не только заметному усилению позиций русских войск к началу 50-х гг. XIX в. в Дагестане, но и в целом в восточной части Северного Кавказа. Они непрерывно подтачивали военную мощь шамилевского имамата, став причиной углубления и без того серьезных разногласий среди военно-политической верхушки горцев, особенно между Шамилем и его ведущими наибами. После разгрома М. З. Аргутинским Хаджи-Мурата в июле 1851 г.

⁶⁴ Н. И. Покровский. Указ. раб., с. 438-440.

в Кайтаге, имам обвинил своего наиболее удачливого и способного наиба в трусости и отстранил его от должности. Это привело к расколу среди горцев, т. к. в противостоянии Шамиля и Хаджи-Мурата большинство аварцев поддерживали последнего. Все это, в конце концов, привело к переходу Хаджи-Мурата на сторону русских и его гибели⁶⁵.

С началом Крымской войны 1853-1856 гг. положение русских на Северном Кавказе вновь осложнилось. Многие части были переброшены в Крым для боев с союзниками или на границу с Турцией, а горцы, воодушевленные войной европейских держав против России, активизировали свои набеги на русские укрепления и владения на Кавказе. В конце лета 1853 г. крупные силы Шамиля вторглись в Джаро-белоканскую область, намереваясь далее продвигаться в направлении Кахетии. Малочисленные отряды Лезгинского отряда с трудом сдерживали атаки горцев. Требовалось подкрепление, однако практически все войска Кавказского отдельного корпуса были посланы на турецкую границу. Казалось, остановить атаки многочисленных отрядов Шамиля не удастся, но внезапно с тыла появился «бич Дагестана, знаменитый герой Кавказа, генерал-адъютант Аргутинский-Долгорукий. Совершив невероятное быстрое движение или, так сказать, суворовский поход через хребет исполинских гор, князь Аргутинский, как грозный признак, готовился предстать перед Шамилем»⁶⁶. Узнав о неожиданном подходе Дагестанского отряда под командованием знаменитого «Аргута», Шамиль, по-началу не поверивший в возможность такого перехода русских войск (имам заявил своим наибам, что «даже Аргутинский не мог пройти там, где никто и никогда не ходил»), был вынужден вскоре отступить обратно в горы. Серьезная опасность, угрожавшая русским войскам Кавказского корпуса, ожидавшим в то время с фронта наступления многочисленной турецкой армии, была ликвидирована.

Переход Аргутинского через Главный Кавказский хребет в тяжелых зимних условиях имел большой резонанс по всей России, особенно на фоне неудач, которые терпели русские войска в Крымской войне, и достойно завершил военную карьеру прославленного армянского генерала. Как отмечал его современник граф В. А. Соллогуб: «Генерал Аргутинский-Долгорукий, недавно, к сожалению, утраченный Кавказом, нигде и никогда не был разбиваем и никто не может доказать мне противного. Он был человек испытанной храбрости, соединенной с редким благородием; он глубоко постигал горскую войну и никогда не вдавался в обман. Этот генерал заключил свое продолжительное поприще дивным переходом чрез вечные снега Кавказского хребта, и этот переход вполне может быть поставлен наряду с походами Суворова и Наполеона I»⁶⁷.

⁶⁵ В. В. Д е г о е в. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001, с. 147.

⁶⁶ М. П. Щ е р б и н и н. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб., 1858, с. 284.

⁶⁷ В. А. С о л л о г у б. Кавказ в Восточном вопросе. Тифлис, 1856, с. 24.

Под началом М. З. Аргутинского выросла целая плеяда выдающихся русских полководцев. По большому счету почти все крупные полководцы русской армии, с начала 40-х гг. XIX в. воевавшие против горцев в восточной части Северного Кавказа (особенно в Чечне и в Дагестане), в разное время служили вместе с ним или под его командованием. Среди них князь А. И. Барятинский (впоследствии наместник Кавказа), который занятием аула Гуниб в 1856 г. закончил покорение Северо-Восточного Кавказа и взял в плен Шамиля; генерал от инфантерии граф Н. И. Евдокимов, который взятием укрепления Ведено завершил покорение горной Чечни; генерал-майор Э. И. Тотлебен, известный как один из организаторов обороны Севастополя в годы Крымской войны, и многие другие. Особо подчеркнем, что такие знаменитые армянские полководцы русской армии, как генерал-адъютант И. Д. Лазарев, генерал-адъютант, генерал от кавалерии граф М. Т. Лорис-Меликов, генерал-майор И. И. Корганов и другие, тоже начинали свою военную карьеру под началом князя Аргутинского. Сыновья А. П. Ермолова также служили под командованием армянского генерала, и бывший главнокомандующий Кавказа не раз отмечал, что под его началом они смогут по достоинству проявить себя⁶⁸.

Один из видных армянских офицеров Кавказского корпуса князь А. Бектабеков, многие годы служивший вместе с М. З. Аргутинским-Долгоруком на Северном Кавказе, писал: «Князь Аргутинский, соединяя в себе прекрасные качества души, ума и сердца, был одним из справедливейших, пронизательнейших и бескорыстнейших людей, он презирал лихоимство, взяточничество и незаслуженную протекцию. Князь умел выбирать и ценить способных и дельных людей. Свои планы и намерения в военных действиях он скрывал весьма тщательно. Отсюда то явилась поговорка: «куда пойдет Аргутинский — знает только он сам и его коротенькая трубочка». Моисей Захарович был молчалив, задумчив и изредка подшучивал... Он был очень справедлив и строг в отношении к себе и другим; жители, нижние чины и вообще все его подчиненные, от генерала до солдата, и даже сами неприятели, хотя и боялись его, но вместе с тем уважали и любили... Князь Моисей Захарович, имея отличный природный ум, в продолжении службы сам усовершенствовал свое образование: он много читал, знал почти наизусть историю знаменитых полководцев, говорил свободно на пяти языках: русском, французском, грузинском, армянском и татарском. Князь отличался твердым характером, непреклонною волею, прямодушием и беспристрастием, подчас был и упрям; при этом владел особенною способностью узнавать людей — все окружавшие его были лица, проложившие сами себе дорогу своими дарованиями»⁶⁹.

⁶⁸ АКАК, т. X. с. 317-318.

⁶⁹ А. Бектабеков. Воспоминания о боевой службе сапер на Кавказе и в Азиатской Азии. Тифлис, 1874, с. 20-24.

Высокую оценку деятельности Аргутинского на Кавказе дает и дореволюционная военная историография. По словам известного русского военного историка, начальника Военно-исторического отдела Кавказского военного округа, генерал-майора В. Потто: «Аргутинский представляется бесспорным авторитетом в военном деле»⁷⁰.

Многолетние трудные походы, особенно его знаменитый переход через Кавказский хребет, серьезно подорвали здоровье князя Моисея Захаровича. Свои последние дни он провел в родном Тифлисе, где врачи безуспешно боролись за его жизнь. Весть о смерти Аргутинского глубоко потрясла общественность Тифлиса. В день его похорон 22 февраля 1855 г., при многотысячном стечении народа, в Тифлисском Ванкском кафедральном соборе состоялось отпевание, которое совершил сам глава Армянской Апостольской церкви католикос Нерсес Аштаракецци. Согласно завещанию князя, он был похоронен в фамильной усыпальнице Аргутинских-Долгоруких в Санаинском монастыре.

М. З. Аргутинский сочетал в себе качества подлинного «коренного» кавказского офицера русской императорской армии, как военного профессионала и заботливого командира, внимательного к своим солдатам и подчиненным, так и талантливого администратора, понимавшего и уважавшего национальные особенности и характер горцев, что и было залогом успехов ведомых им войск. Как точно подмечает один из современных российских историков: «Именно органическое сочетание в Кавказском корпусе психологического типа офицера – романтика, рыцаря долга и имперской идеи, с преобладающим типом служилого стоицизма, и делало кавказские полки в конечном счете непобедимыми»⁷¹.

Усилиями русского правительства и общественности Тифлиса в Дагестане был поставлен памятник армянскому полководцу. Вот как описывает этот памятник русский путешественник конца XIX в.: «Перед домом губернатора, на невысоком пьедестале стоит в непринужденной позе фигура кн. Аргутинского-Долгорукого. Доблестный генерал много потрудился при завоевании Кавказа и в самый расцвет могущества Шамиля всегда являлся грозой имама. Он никогда не рисковал ни своими отрядами, ни своею репутациею спокойнейшего человека. Многим он казался медлительным, но зато в дело шел наверняка и почти не знал неудачи... В своих записках шамилевский секретарь именуется князя «хитрым, настоящей лисицей». Видимо, сильно насолил горцам талантливый армянский князь»⁷².

Памятник генералу был сооружен в городе Темир-Хан-Шура (ныне г. Буйнакск), откуда Аргутинский в течение многих лет начинал свои вошедшие в историю Кавказской войны походы в неприступные горы Дагестана.

⁷⁰ В. П о т т о. Памяти старых кавказцев. Тифлис, 1897, с. 83.

⁷¹ Я. Г о р д и н. Кавказ: земля и кровь. СПб., 2000, с. 142.

⁷² В. С. К р и в е н к о. По Дагестану. СПб., 1896, с. 65.

Биография князя М. З. Аргутинского выявляет одну из основных закономерностей политики русского правительства на Кавказе. Путем целенаправленного вовлечения представителей коренных народов Кавказа (в основном, армян и грузин, более близких русским по вероисповеданию и культуре) в военно-бюрократическую систему края, Российская империя облегчала себе путь к окончательному покорению Кавказа, одновременно обеспечивая эффективное управление завоеванным краем. Это, в конечном итоге, привело к более глубоким последствиям — к появлению среди кавказцев осознания имперской идентичности: местная правящая элита начала причислять себя к более широкой военно-политической, социально-экономической, а впоследствии и культурно-просветительской общности, способной эффективно претворять в жизнь интересы кавказских народов, объединенных под эгидой Российской империи, и их отдельных представителей. Уже к середине XIX в., во многом благодаря усилиям наместника М. С. Воронцова и его предшественников, роль и значение «местных» кадров различного этнического происхождения и вероисповедования в «колониальном» административно-управленческом аппарате Кавказского края была весьма значительна. В некоторых сферах, например, в высшем командном составе Кавказской армии, они даже превалировали. Более того: «Российское имперское государство в собственных интересах стремилось не просто механически инкорпорировать местные социальные элиты, а органично срастить их с центральной властью и русским обществом»⁷³. В итоге, выходцев с Кавказа стали назначать даже на высшие государственные посты Российской империи (в этом плане иллюстративна немислимая карьера армянина М. Т. Лорис-Меликова, вошедшего в историю России под именем «бархатного диктатора»). А генерал-адъютант М. З. Аргутинский был одним из первых, кто осознал и претворял в жизнь эту имперскую идею, являясь одновременно и ее орудием, и ее творцом.

ԳԵՆԵՐԱԼ-ԱԴՅՈՒՏԱՆՏ Մ. Ջ. ԱՐԴՆԻԹՅԱՆ-ԵՐԿԱՅՆԱԲԱԶԿԻ
ՄԱՐՏԱԿԱՆ ՈՒՂԻՆ

ՍԵՐԳԵՅ ՄԻՆԱՍՅԱՆ

Ա Ճ Փ Ո Փ Ն Ը Ճ

Ռուսական Կովկասյան բանակի Հայ զորավարների փայլուն համաստեղության մեջ առանձնանում էր Մ. Ջ. Արղունթյան-երկայնաբազուկը (Դոլգորուկի, 1797-1855): Նա սերում էր Արղունթյանների Հայտնի իշխանական տոհմից: Զինվորական ծառայության է

⁷³ В. В. Д е г о е в. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001, с. 329.

անցնում ուսական բանակում՝ Սանկտ Պետերբուրգի լեյբ-գվարդիայի Հեծելազորային գնդում: 1827թ. մարտին Մ. Ջ. Արղությանը տեղափոխվում է Կովկաս, որտեղ և շարունակում է զինվորական ծառայությունը: Նա ակտիվ մասնակցություն է ունեցել 1826-1828 թթ. ուս-պարսկական և 1828-1829 թթ. ուս-թուրքական պատերազմներին, ինչպես նաև՝ Պարսկաստանից Արևելյան Հայաստան հայերի վերաբնակեցման գործին: 1842թ. մինչև իր զինվորական գործունեության ավարտը Մ. Ջ. Արղությանը ծառայել է Հյուսիսային Կովկասում՝ մասնակցելով լեռնականների դեմ մղվող մարտերին: Նա հայ զորավարներից առաջինն էր, որն արժանացավ ուսական բանակի գեներալ-ադյուտանտի բարձր կոչմանը: Արղությանի հրամանատարության օրոք ի հայտ եկան ուսական բանակի մի շարք տաղանդավոր զորավարներ, ինչպիսիք են Ա. Ի. Բարյատինսկին, Մ. Տ. Լորիս-Մելիքովը և շատ ուրիշներ:

THE MARTIAL PATH OF GENERAL-ADJUTANT

M. Z. ARGHUTYAN-DOLGORUKY

SERGEY MINASYAN

S u m m a r y

Within the glorious constellation of the Russian Caucasian Army's Armenian commanders M. Z. Arghutyan - Dolgoruky (1797-1855) was an exceptional case. He originated from the renowned noble family of the Arghutyans. He took his military service in St. Petersburg in the guardian regiment of cavalry. In the March of 1827 M. Z. Arghutyan was removed to the Caucasus, where he continued his military service. He took an active part in the Russian-Persian (1826-1828) and Russian-Turkish (1828-1829) wars as well as in the process of Armenian population resettlement from Persia to Eastern Armenia. From 1842 up to the end of his military career, M. Z. Arghutyan served in the North Caucasus being actively engaged in the fight against mountaineers. He was the first among the Armenian military who was rewarded with the high rank of Russian Army – General-Adjutant. It was under his command and during this period when a myriad of talented Armenian commanders were nominated, as A.I. Baryatinsky, M.T. Loris-Melikov and many others.